

Надежда Чернова

ЗЕЛЁНАЯ ЛУНА

СМУГЛАЯ ЭВА

1

Сияло лето. Был подвижен
В зелёных бликах мир тепла.
Адам, как солнышко, был рыжим,
А Эва смуглою была.
Их ссылка давняя свела:
Здесь поселились поневоле
Их предки. У реки и в поле
Бок о бок жили два села.

В одном – народ немецкий, умный,
Адама чинная семья,
В другом – забыв свои края,
Цыганки Эвы табор шумный.

От пёстрых юбок степь цвела,
В саду срывались дички с Древа,
Когда плясать пускалась Эва,
И веселила два села.

Все её детские дела –
Босою бегать у причала,
Где чайка пёстрая кричала,
Где рыбаки у костерка
Варили первую ущицу,
Смеясь, прикармливали птицу –
Щедра душа у рыбака!

Когда бежали дети вскачь,
Когда сбивал неосторожно

Их грубый камень придорожный,
Адаму Эва подорожник
Рвала для ранки:

«Ах, не плачь!
Не плачь, Адам, мне больно тоже...»

2

А в тьме-саду густело Древо,
И зрели яблоки опять,
Но кто же дичку станет рвать? –
Одни лишь дети.

Справа, слева,
За Иртышом, в степи пустой
Табун взлетал над клеверами,
И расходился веерами
Полынный воздух и густой.

Летел табун за табуном –
Тогда докатывался гром
До сада, где гуляла Эва.
Она срывала дичку с Древа,
Румяную, как солнце дня,
Адама яблоком дразня,
Но после и ему давала.
Был рядом бор. Пчела сновала.
Смотрел из зарослей марал.
Лисёнок с бабочкой играл.

В цветущих зарослях зелёных
Дышал, мерцал Природы лик.
В глазах Адама восхищённых

Блестели слёзы в этот миг,
И Эва, нежности не пряча,
Шла вслед за ним в зелёный храм:

«Ах, боже мой! Не плачь, Адам!
Не плачь, Адам, я тоже плачу...»

3

И вот в траве, в густом пырее
Змея мелькнула.
Нет шустрее,
Хитрее нет степных гадюк.
Адам, замороженный вдруг
Пронзительным, холодным взглядом,
Был поражен смертельным ядом –
И в тот же миг ушла Змея,
Лишь, с одуванчиков слетая,
Пыльца мерцала золотая,
И меркла солнца кисея,
И осыпались листья с Древа...

«Ах, боже мой! – сказала Эва, –
Не плачь, Адам, ведь рядом я!»

4

В костре рыбацком рдело пламя,
Трясло над пеплом рукавами,
Вытряхивая угольки.
Молчал Адам.

Над утомлённым
Склонилась Эва днём зелёным,
Поила влагой из реки
И красным углем, раскалённым,
Прижгла в горящей ранке яд!
Адам увидел тут же ад,
Но замер сердцем не от боли –
Иглой любви его уколет
Босая девочка в венке.
Он понял: у неё в руке
И жизнь, и смерть его,
И воля...

5

Змея по травам уползла.
Змея Иртыш переплыла,
Чтоб в клеверах, в цветущем поле
Она задавлена была.

Табун,
Змея намяв бока,
Умчался вихрем в облака,
Где беспредельное раздолье...

6

С тех пор пройдёт немало лет.
В песке растает нежный след
От ножек Эвы загорелой.
Венок её по волнам вод
К чужим ладоням доплывёт,
А Эва станет Птицей белой.

Адам, охотясь в камышах,
Засыплет порох, словно прах,
В своё ружьё, пальнёт по кронам,
И в небеса огонь пошлёт –
И Птица с неба упадёт
К его ногам с протяжным стоном.

Теперь, куда б ни шёл Адам,
Печаль тащилась по следам,
И не давала встать посевам,
Но снова пряталась за Древом,
Но вновь, смеясь, бежала вскачь
Смуглянка Эва летним садом:

«Ах, боже мой! Адам, не плачь!
Не плачь, Адам, я здесь, я рядом...»

7

Он Ветром стал на склоне лет...
Хоть не библейский наш сюжет,
А всё же есть и Змей, и Древо,
Невинность, грех, Адам и Эва,
Но больше сходства вроде нет...

Над деревьями вьётся след
От пролетевшей белой Птицы,
И Ветер в горницы стучится,
И гнёт по лесу бересклет.

Синица свистнет. Крикнет грач.
Расстелет маковый кумач
За речкой степь – весны потеха.
Но плачет Ветер, мчась по лехам...

«Ах, боже мой! Адам, не плачь!
Не плачь, Адам...», – прошепчет эхо.

СТЕПНЫЕ МИРАЖИ

1

Покуда боль сгорит до дна,
 Дотла – пройдут века, быть может...
 Ещё и снится, и тревожит
 Протяжный стон Бородина,
 И Куликова поля стон –
 Кровавый отблеск Божьей кары:
 Дерутся с русскими татары –
 Мои родные с двух сторон.

Гремят и палица, и щит,
 И Русь ордынцев атакует –
 И русский дух во мне ликует,
 И кровь татарская кипит.

Когда же боль моя пройдёт,
 Во мне затихнет поле брани,
 И никогда уже не ранит
 Цветущий на костях осот?

2

То Русь, то Степь
 откликнутся в потёмках,
 То дикие, чужие племена.
 Их имена забыли времена,
 Но кровь жива и мечется в потомках –
 Огнём пещерным, высверком ножа,
 Дыханьем страсти
 на земле растленной...

И дымкою степного миража
 Приходят сны из памяти Вселенной.

Я мчусь в кибитке.

Как лебяжий крик,
 Скрипят колёса.

Пыль красна к закату.
 Подобен солнцу мой весёлый лик,
 А рыжий волос мой подобен злату.
 Мой род воюет.

Мало кто в живых.
 А я – пою, внимая поднебесью,
 Но не о битвах пращуров моих,
 Не о вражде,
 не о веках глухих –
 Одна любовь мою волнует песню...

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ

1

Не хочет идти Одиссей на войну.
 Его Менелай призывает напрасно.
 Зачем воевать за чужую жену,
 Когда и своя молода и прекрасна?

Безумным прикинувшись,
 поле вспахал,
 И солью засеял он борозды праха,
 Но хитрость его Менелай разгадал,
 Под яростный плуг
 подложив Телемаха.

Пред сыном своим
 Одиссей не стерпел –
 Отбросил он плуг
 и тотчас же потопал,
 Как все, на войну.
 Его храбрость воспел
 Незрячий Гомер,
 и ждала Пенелопа.

Но только герой
 пристрастился к вину,
 Скитался по свету,
 пока что был в силе –
 Как наши отцы, что сломили войну,
 Но душу свою на войне надломил...

2

Исчезли храмы Атлантиды.
 В Помпеях пепел да зола.
 Не вечны в мире пирамиды
 И мавзолеев купола.

Они однажды канут в Лете,
 Как все деянья рук людских,
 Но не забудется на свете
 Любовь, что поднимала их.

Исчезли Троя и циклопы.
 Распались прахом корабли.
 Но голос нежной Пенелопы
 Летит над краешком земли.

В морских ракушках остаётся,
Из камышовых рвётся труб,
Звенит водою из колодца,
Едва коснётся твоих губ...

СВИДАНИЕ
(по мотивам Абая)

Луна, рассеивая мрак,
Догнать Луну речную хочет.
Там, за аулом, где овраг,
Река несётся и грохочет.

Под шёпот леса,
шум листвы,
Луна, зелёная, большая,
Такая – не видать травы –
Встаёт, округу заливая.

Крадётся девушка тайком.
Она ступает осторожно,
Хоть и спешит,
но невозможно
Укрыться ей –
светло, как днём.

Вот эхо песни, там, вдали...
Вот лай собак... он близко, рядом...
Идёт, не чувствуя земли,
Как будто бы под чьим-то взглядом.

Она робеет и нежна,
И нет походки горделивой,
Как было днём.
Дрожит она
И озирается пугливо.

То вся горит, то холодна,
То не хватает ей дыханья.
Бежит зелёная Луна
За нею следом на свиданье.

Упав любимому на грудь –
А сердце выскочить готово! –
Не в силах девушка взглянуть,
Не в силах вымолвить и слово...

КАЗАЧИЙ КРУГ

1

На коне в Баянаул
Едет Павел-есаул.
Был на сборах в Павлодаре,
Месяц он подковой гнул,
Он лозу рубил жестоко,
В бой готовый хоть сейчас!

На окошке оболока
Прячет блеск девичьих глаз.

Запылала щёки рдяно,
В сердце дрогнула струна:
Дева юная Татьяна
В есаула влюблена.

Он конём игривым правил
Так, что ёкала душа.
Ой, хорош красавец Павел!
И Татьяна хороша!

Да не будут в доме сваты –
Это знают все окрест:
Бутаковский род богатый
На других глядит невест.

А Татьяна вечно в людях –
Это знают все вокруг.
«Павел рядом с ней не будет!» –
Говорил казачий круг.

Как уж в небе столковались
Звёзды, свой секрет тая,
Только век не расставались
Дед и бабушка моя!

2

Средь степей и среди гор
Замели метели.
Как пришёл голодомор –
Всех ворон поели.

Казачи-то кое-как –
На траве, на лесе –
Продержались: жизнь в кулак!
Правда, не до песен.

И с соседнего двора
 Не поёт давно домбра –
 Смолкла, обессилев.
 А с соседнего двора,
 Где степная бишара,
 Мёртвых выносили.

Дед мой, Павел Бутаков,
 Был кулак из казаков –
 Всё поотбирали!
 В каталажке он сидит,
 Но, как мельник, знаменит,
 Вот и отпускали!

Холод в озере-пруду.
 Мелет мельница беду
 Вместе со слезами.
 Каждый колос на счету.
 Не жалеет нищету
 Тот, кто правит нами.

Жалко деду бишару.
 И тайком он ввечеру
 Нёс муку-порушку.
 Головы он мог не снесть,
 Но давал соседям есть –
 Делали болтушку.

А своя семья – она,
 Хоть на всей земле одна,
 К лебеде привыкла.
 Ни мучники,
 ни зерна
 Для неё не выкрал.

Отступил голодный год,
 И соседский выжил род.
 Наказал он детям,
 Чтоб о мельнике народ
 Знал на белом свете.

Сам-то дед молчун-казак,
 Скажет только:
 «Голод – враг,
 Но теперь-то с хлебом...»
 Курит горький свой табак
 Да глядит на небо...

ИГОЛКА И НИТКА

Темнеет белая стена.
 Захлопнута калитка.
 За мужем следует жена,
 Как за иголкой – нитка.

Сухая степь. Скрипит песок.
 Нет ни врага, ни друга.
 Волчицей мечется у ног
 Декабрьская вьюга.

И как дорога не длинна,
 А кажется короткой.
 За мужем следует жена,
 За ним, с улыбкой кроткой.

Идти бы только да идти,
 Не разлучаясь, рядом,
 А что там встретится в пути,
 Загадывать не надо.

Придёт когда-нибудь весна.
 Созвездье Рыб пронзит она
 Охотничьей острогой.
 Взойдёт зелёная Луна
 Над кочевой дорогой.

Среди метёлок нежных льна,
 По росной травке колкой,
 За мужем следует жена,
 Как нитка – за иголкой.

Кричит ей в поле вороньё:
 «Он хуже всех на свете!
 Его не примет и быльё,
 И даже чёрный ветер!»

Враньё не слушает она.
 И волею Господней
 За мужем следует жена –
 До самой преисподней.

За мужем следует жена.
 Несёт свой дом улиткой
 И в небеса, любви полна,
 Как за иголкой – нитка...

МОЙ СОКРОВЕННЫЙ

Валерию Азарову

1

Мой Сокровенный, в берег бьёт прибой...
Ты стал давно уж травкой голубой:
И купиной, и стеблем курослепа...
Всё кончилось так быстро и нелепо,
Но нет забвенья – говорю с тобой.
Всё говорю и говорю опять...
Мой Сокровенный, мчатся воды вспять,
И годы возвращаются к истокам.
Хоть отнимает Жизнь – она жестока! –
Но память не посмела отобрать.
Я Жизни поклонюсь за щедрый дар.
Мой Сокровенный, копится нектар
В твоих цветах – благоухает поле,
Твой благодатный мёд врачует боли
И утоляет сердца горький жар.
Мой Сокровенный, средь мирских страстей,
Среди слепых, безумных скоростей,
Средь вырожденья и паденья духа
Слова любви ты шепчешь мне на ухо,
Любовью поишь из своих горстей...
И смерти нет. И страха больше нет.
Мой Сокровенный, только горний Свет
Горит над нами, вечно не сгорая,
И мы стоим у Света на краю...
Мой Сокровенный, дай ладонь свою:
Протоптан след, свежа трава сырая...

2

Мой Сокровенный, тучка грозовая
Сверкнёт на небе тысячью мечей,
Но бой затихнет, вспыхнет горячей
Повсюду Жизнь, веселье призывая:
Пылинки пляшут в утреннем луче,
Всплывает к солнцу лилия живая.
Во всём – дыханье Божье, Он – везде,
Через Него проходят наши токи,
Вся музыка – от гомона сороки
До струн воды, до бликов на воде,
До переклички утренних лесов,
До гор, задувших в каменные трубы,
До всех молитв, что выпевают губы,
И до небесных детских голосов.

3

Мой Сокровенный, как отец и мать,
Он видит нас ребёнком неизменным.
Жизнь пролетает отблеском мгновенным,
И этот блик ладонью не поймать.
Мы успеваем только подражать
Воде и злаку, пламени и ветру.
Пустил Всевышний нас бродить по свету,
Но как детей из детства отпустить?
Лишь в детстве мы открыты и чисты:
Мы любим всех – и бабочек атласных,
И воробья, и змей, всегда опасных,
И кошку-хромоножку, и цветы,
И потому, наверно, хочет Он
Оставить нас младенцами навеки,
Как мать с отцом, что не смежают веки,
Над колыбелью забывая сон...

4

Мой Сокровенный, демоны идут!
Их оперенье вечным льдом искрится,
Отрешены их каменные лица,
Под их ногами нарастает гуд –
Гудят, гудят подземные моря,
Из тёмных недр выталкивая горы,
И демонов пронзительные взоры
Над потрясённой бездною горят.
А там – лежат в руинах города,
В людской давилъне стоны и моления,
И снова проклят первый день творенья,
И день последний проклят навсегда!

5

Мой Сокровенный, никогда грехи
Не отмолить – они уже свершились,
И небеса святые сокрушились,
И на Земле прибавилось трухи.
Мир пошатнулся! Прокатился гул!
Как устоять и как не оступиться
Туда, где пламя адское клубится,
Где я была, но Он меня вернул?
И я молю Его: «Спаси меня!
Не дай дожить мне до такого дня,
Когда прогонят праведные люди,
Когда я лишней стану среди людей,
И даже самый малый муравей
Над малостью моей смеяться будет.

Недуги скрутят. Предадут друзья.
И для врагов ненужной стану я.
А те, кого я больше всех любила,
Над сердцем надругаются моим...
Но в моём сердце нет вражды и к ним:
Я всех прощаю, и давно простила...»

6

Мой Сокровенный, ты ушёл так рано...
Не заживает в сердце моём рана,
И никогда она не заживёт,
Хоть и прошло полвека. Каждый год
И каждый миг я помню наши встречи.
Июньский зной. Чабрец. Зелёный вечер.
Стоим, обнявшись, у чужих ворот.
Над нами Он – за облаком таится,
Спугнуть своим дыханием боится,
Но всё равно однажды разведёт.
И проклинала я Его, греша,
Но стали камнем все слова и стоны,
И некуда идти! И вновь душа
Вела к Нему по тропам потаённым...

7

Мой Сокровенный, катится слеза
С ресниц моих – я всё же существую!
Он превратит слезу в росу живую
И возвратит в цветочные глаза,
Морям добавит соли и огня,
Очистит сердце тем, чей взгляд погашен –
Всё, что возьмёт и примет от меня,
Раздаст Вселенной, разольёт по чашам!

8

Мой Сокровенный, чувствую Его
В любом глотке дыханья моего.
Он всюду: в белой травке придорожной,
Свернувшейся от тёплого дождя,
Он даже в смерче – степи бороздя,
Как свиток неба, вьётся смерч тревожно.
И в душах наших, Сокровенный мой,
Есть тайный отблеск, есть и свет прямой
От лучезарной и нетленной тверди.
Ты под землёй, недвижимый и немой,
И плоть твоя разъята вечной тьмой,
Но никогда душа не знает смерти:
Мой Сокровенный, ты всегда со мной!

9

Мой Сокровенный, входит ветер в дом,
Листает Жизнь мою – за томом том:
Весна и лето, осень, дальше длится
Пора зимы.

 Всё тяжелей страницы.
Всё меньше строк. Всё больше пустоты.
Он утомился заполнять листы,
Но ветхий мир вовек не отразится
На Его лике, вечно молодом:
Взяв на ладонь, любитесь сверчком –
И веселят Его сверчка рулады,
И камешки бросает в водопады –
И слушает воды сердитый гром.
Он простодушен, Он дитя во всём,
Хоть под рукой Его миров громады,
И хоть сияет Вечность над челом...

10

Мой Сокровенный, улетает век
Пустой водой, потоком быстротечным.
Весельем праздным, пиром бесконечным
Спасается от смерти человек.
Но скучно мне средь жизни карнавальной,
С хмельной забавой, как чума, повальной,
С бессвязным разговором ни о чём,
С луной за правым зябнущим плечом,
За левым – пустота опять зияет,
И Ангел легкокрылый не сияет,
А Жизнь стоит кровавым палачом.
Хочу я в скит, в леса с рекою чистой,
Где одинокий след в траве росистой
Ведёт к дуплу, а в нём – горит свеча.
Печален Образ Девы смуглолицей,
А вокруг неё – багряные зарницы,
И ночь молитв от света горяча...

